

*Посвящается моей матери,
Ширли Кит Гарднер,
той самой храброй девчонке*

Глава 1

Я всегда предпочитала решать проблемы кулаками. Именно потому родители отослали меня в школу мисс Саламанки для благовоспитанных юных леди. Именно потому нынче утром мисс Бикл, учительница рукоделия, отправила меня в кабинет директрисы. Похоже, мне требовалось напоминание, какой благовоспитанной обязана быть юная леди. Спорю на что угодно, вскоре это напоминание отпечатается у меня пониже спины.

С невиннейшим видом я застыла на стуле с прямой спинкой перед столом Старой Саламанки. Мне казалось, я уже вполне благовоспитанная. Но судя по обращенному на меня пристальному взгляду директрисы, наши мнения не совпадали. Похоже, даже буфы на рукавах ее платья раздулись от негодования.

Три желания Мэйв

— Мисс Меррит, — начала Старая Саламанка. — Прямо сейчас, сию минуту, юная мисс Трезелтон лежит в лазарете с куском холодного мяса на глазу. Что вы на это скажете?

А что я должна сказать? Что глубоко сожалею? Вот уж дудки.

— Скажу, повезло ей, что это мясо, а не печенка. Старуха Салли нахмурилась сильнее.

— Его аромат напоминает о доме, — объяснила я. — К тому же мясо мгновенно охлаждает ушибы.

Директриса с размаху хлопнула рукой по журналу.

— Ученицы моей школы не дерутся, как уличные хулиганы! Неужели вы совершенно не думаете о своей семье? Вам плевать на ваше образование?

Я только пожала плечами. Семья? Мать сослала меня на сей необитаемый остров после драк с деревенскими мальчишками. Вообще-то обычно мы ладили, просто они не любили проигрывать мне в крикет. Прямо сейчас маменька и старшие сестры, должно быть, несколько опечалены состоянием своего гардероба. Все, кроме моей милой Полли. Уж та-то никогда не хотела, чтобы меня отсылали.

Старуха Салли вздохнула, как вздыхали христианские мученики перед тем, как в очередной раз взойти на арену со львами. *Ну вот, опять.*

— Что ж, попробуем иначе. Мисс Меррит, почему вы ударили мисс Трезелтон в глаз?

Никому не нужна причина зарядить в глаз Терезе Трезелтон — таков был бы честный ответ. Она просто входит в комнату, и готово.

Глава 1

Но Старуха Салли жаждала фактов, так что я ей их охотно предоставила:

— Мисс Трезелтон воткнула в меня иголку. — Подобное преступление не сойдет с рук даже очаровательной богачке Терезе Трезелтон с ее каштановыми кудряшками. — Четвертого размера.

Всем иглам игла!

Директриса со свистом втянула воздух сквозь зубы.

— И где же?..

Я внимательно изучала ногти, внезапно обнаружив, что те, оказывается, представляют собой огромный интерес.

— На уроке рукоделия.

— Нет, где... рана на вашем теле?

Я напустила на себя пуританский вид.

— В том месте, которое-нельзя-называть.

Старуха Салли опять пристукнула кулаком по журналу.

— Я не позволю, чтоб какая-то девчонка так со мной разговаривала! Бросьте свои штучки, юная леди. Куда именно она воткнула иголку?

— Мне в задницу.

Директриса снова втянула воздух сквозь зубы, да так громко, что свист мог бы служить маяком для кораблей в тумане Ла-Манша.

— Мэйв Меррит! Где вы набрались подобных словечек?

Сделайся я еще хоть немного благовоспитаннее, нимб ослепил бы окружающих.

— А это вас не касается.

Глава 2

Сквернословие. Именно за него я была лишена двух дней учебы, и плевать, что пропущу уроки или потом провалю экзамены. Меня поставили на разбор мусора. По словам мисс Саламанки, подобное занятие пойдет на пользу моему вздорному нраву или что-то в этом роде.

Мол, раз я веду себя как уличная рвань, разговариваю как уличная рвань, уличной рвани самое место у помойки, заодно и распробую, насколько мне это понравится.

Я не слишком возражала. Разве что пованивало тут.

Ладно, вру. Разбор мусора я сразу возненавидела. Впрочем, не так, как ненавидела уроки французского мисс Гюнтерсон.

Прежние гувернантки, еще до того, как маменька доверила мое воспитание пансиону, тоже пыта-

Глава 2

лись исправить мой характер наказаниями. Не вышло. Эти дамы никогда не задерживались на своей должности. Всех мисс эмм и мисс шарлотт я пережевала и выплюнула. Возможно, мои дни и в стенах школы мисс Саламанки уже сочтены. Будь выбор за мной — их несколько бы не осталось.

Выдался холодный декабрьский денек. Второй день разбора мусора. Ветер кусал мои ноги в чулках, забираясь вверх под юбки. Сквозь толщу облаков едва проглядывало солнце, близился закат. Каких-нибудь полчаса, и меня позовут мыться и ужинать на кухню, подальше от накрахмаленных передников и чувствительных носов остальных благовоспитанных юных леди, которые не запятнали себя наказанием, по крайней мере до сих пор.

В резиновых сапогах и плотных холщовых перчатках я просеивала мусор в баках, рылась в компостной куче и заглядывала в водостоки, отделяя жестяные банки и хлам, который можно было сжечь в печи, от каминной золы и прочих отбросов — того, что заберет мусорщик.

Лицо мое покрылось сажей, в легкие будто насыпали ведро пепла. Перчатки пропитались склизкой кашицей из гнилых яблок и капустного супа.

Вздумай я сбежать в извилистые лондонские улочки и переулки и затеряться там, меня бы мигом отыскали: «Сержант, беглянка — тощая девчонка лет эдак тринадцати, в резиновых сапогах и серой школьной форме. Смердит, как компостная куча».

Три желания Мэйв

Пару раз я задавалась вопросом — что сказали бы мама с папой, узнай они, как платят за то, чтобы рылась в мусоре, выбирая консервные банки и тряпки. Отец всегда был прижимистым.

Он работал старшим клерком, хотя до члена правления еще не дослужился, в Банке и трастовом фонде Михаила Архангела. А маменьку, чья голова забита дамскими обществами, покупкой шляпок и сдуванием пылинок с моих старших сестер Полидоры, Деборы и Эвангелины — «скоро выйдут замуж, хвала небесам», — вероятно, мало озаботило бы, что я роюсь в помойке. Разумеется, при условии, что наши знакомые об этом не узнают.

Хотя вообще-то с Полидорой мама не особенно сюсюкалась. Полли вообще не из тех, с кем можно сюсюкать. Наверное, потому я и люблю ее сильнее всех сестер. Для пустого вздора Полли слишком здравомыслящая. А вот Дебора и Эвангелина...

Моим старшим сестрам позволили бросить школу в двенадцать лет. Маменька твердо верила, что чрезмерное образование портит хороших девочек. Папина чековая книжка была только за.

Обо мне же родители говорили: живое воображение необходимо поощрять и усмирять, причем как можно дальше от дома, там, где я не смогу эпатировать соседей и позорить семью вылазками из окна спальни и оскорбительным панибратством с мальчишками. Игры в шарики, классики, обруч и камешки — особенно с ребятней не своего круга — скандал и грех. Что ж, если так, в загробной жизни я предпочту геенну огненную.

Это куда лучше, чем играть в куклы и устраивать чаепития с чопорными девочками вроде тех,

Глава 2

с которыми маменька надеялась научить меня общаться. Легкомысленными дочками ее чирикающих подружек.

— Давай, пошевеливайся! — Из окна, приоткрыв ставни, высунула красный нос миссис Грубойл (кухарка и окаянная погибель всей школьной прислуги), дабы напомнить, что не спускает с меня глаз. — До ужина все должно быть сделано.

Ставни захлопнулись.

Страдания и напасти. Вот ради чего родители отсылают дочерей в подобные пансионы, где полно злобных и желчных людей. Чтобы отравлять юные жизни доброй порцией страданий. Так поделом же родителям, что деньги потрачены зря!

Вдруг на той стороне переулка я заметила какое-то движение. Это оказался тщедушный рыжий мальчишка, который подсматривал за мной из-за калитки своего сада. Сирота из Миссионерской ремесленной школы и приюта для мальчиков. Та еще дыра.

Я нахмурилась и пригрозила хулигану камнем. Рыжий пригнулся и исчез из вида. Мы не были с ним знакомы — я даже не знала его имени, но большинство сирот из воспитательного дома успело проведать о моей меткости. Я подслушала, как один из них сказал, мол, жаль, что я не играю в крикет. Если бы девочкам разрешалось участвовать, я бы, по его словам, стала неплохим подающим. Эх, знали бы эти мальчишки!

Но погода в декабре не располагала к крикету, а мне нужно было закончить с грязной работой. Подойдя к следующему баку, я запустила руку в золу, пошарила и выудила нечто плоское и тяжелое.

Три желания Мэйв

Банка консервированных сардин, запечатанная! Не может быть. Как она оказалась среди отбросов? Наша кухарка, Грубойл, была от сардин без ума. Если честно, от нее все время воняло рыбьим духом. Представить не могу, чтоб она выкинула целую банку.

Я потрясла жестянку и внимательно осмотрела крышку. Под слоем грязи она была очень красивая, даже покрытая эмалью. Я видела подобные коллекционные консервы в витрине зеленщика. «Экзотические сардины султана в соленом масле, производство Восточной Торговой компании, Ливерпуль». Краешком подола юбки я отполировала банку до блеска, чтобы придать ей достойный вид.

Мне показалось — я почти готова была поклясться, — что банка у меня в руках зашевелилась.

— Эй, сардины, вы там до сих пор плаваете? — вслух поинтересовалась я, еще немного потеряла жестянку и чуть ее не выронила. — Видали, благовоспитанные девицы из школы мисс Саламанки! — закричала я, размахивая банкой сардин перед кирпичной стеной, что выходила в переулок. — Заставили вкалывать до седьмого пота, еды пожалели! Да у меня из-за вас руки трясутся!

В ответ миссис Грубойл хлопнула ставнями.

Я уселась на ступеньки черного хода старого пансиона. Повинуясь порыву, обернулась на окна — убедиться, что никто не подглядывает, как я украдкой лакоплюсь сардинами. Я предпочитала, чтобы их подавали с поджаренным хлебом, смазанным маслом и горчицей, но мои собственные пальцы тоже сойдут. Грубойл, разумеется,

Глава 2

и не подумала позвать меня к чаю, когда накрыли для остальных девочек.

Консервы были из новомодных — с ключом на крышке. Я такую банку ни разу не открывала. Дома все это делала кухарка. Но мне доводилось за ней наблюдать, поэтому я сняла ключ, вставила язычок крышки в маленькую прорезь на нем и принялась закручивать его в обратную сторону.

Крышка приоткрылась, и наружу повалил густой серный чад.

— Фу-у! — Я зажала нос, отмахиваясь от гнилой вонючей вони. — Испортились!

Дым клубился у меня над головой и не переставая валил из жестянки. Я швырнула ее на землю и принялась разгонять смрад шарфом.

— Довольно! — проревел голос из дымного шлейфа.

Я так и замерла. Кто бы это ни был, звучало свирепо. Но поблизости — ни единой души, только ядовитое облако горчично-желтого дыма. Стащив пальто, я принялась им размахивать.

— Я сказал, хватит! — прорычал голос. — Прекрати, о, несчастная, или я порублю тебя на мелкие кусочки и скормлю акулам!

Я мигом сунула руки в рукава. Кому бы ни принадлежал этот голос — должно быть, какому-то душегубу (душегубу из банки сардин?), полагаю, лучше встретиться с ним тепло одетой, а не закочевшей от холода.

— Кого это ты назвал несчастной?! — вскричала я. — Ты, тухлая рыба голова, да еще и дурно воспитанная!